

Вологжане в Московском университете

ричины, по которым М. В. Ломоносов считал необходимым открытие первого российского университета в Москве, а не в северной столице, он сформулировал таким образом: «Установление оного университета в Москве тем способнее будет», что «1) великое число в ней дворян и разночинцев; 2) положение оной среди Российского государства, куда из округ лежащих мест сподобно приехать можно; 3) содержание всякого не стоит многого иждивения; 4) почти всякой у себя имеет родственников или знакомых, где себя квартирою и пищею содержать может; 5) великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науке не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, и только чрез то молодые лета учеников и лучшее время к учению пропадает, а за учение оным бесполезно великая плата дается». Потребности в обучении дворян «высшим наукам» Ломоносов явно переоценил, а в остальном он оказался прав. Для провинциалов университет оказался едва ли не самой удобной дверью, через которую при определенном усердии и способностях можно было попасть в верхние слои общества. Кроме того, Ломоносов, видимо, понимал, что Первопрестольная своим старорусским духом будет способствовать привлечению в науку национальных кадров, которых в тот период были единицы. И не ошибся...

Большинство московских профессоров конца XVIII – начала XIX века являлись выходцами из провинции и преимущественно из разночинной среды. За вторую половину XVIII века из 26 русских профессоров, которые вели преподавание, только трое были из дворян. Первый ректор Московского университета Х. А. Чеботарёв был сыном сержанта, из семьи врача происходил другой ректор университета – Аркадий Алексеевич Альфонский, основоположник клинической медицины в России Матвей Яковлевич Мудров родился в семье священника. Как правило, определенную роль играли и земляческие связи. Так, например, А. А. Альфонского после поступления в университет опекал и поддерживал земляк-вологжанин М. Я. Мудров. Отношения между профессорами и студентами были в тот период достаточно короткими, и часто последние даже жили в квартирах своих учителей. Это, правда, не значило, что тем самым студент получал какие-то поблажки в ходе учебы. Сами проявив в свое время старание и настойчивость, учителя того же требовали и от своих учеников. Вместе с тем, помимо деловых, высоко ценились и чисто человеческие качества. Принимая молодого человека в свой круг, московская профессура фактически принимала его в свою семью, поэтому личные взаимоотношения играли немаловажную роль.

Здание главной аптеки на Красной площади, где первоначально помещался Московский университет. Фотография конца XIX века

Здание Московского университета на Моховой с церковью святой Татьяны. Акварель Г. Ф. Барановского. 1848 год

Одним из первых вологжан оказался в Московском университете Харитон Андреевич Чеботарёв. Начальную подготовку, как это долго еще водилось, он получил в гимназии при университете и лишь затем, в 1761 году был принят на философский факультет. Собственно и факультетов тогда было только три: философский, юридический и медицинский. Срок обучения составлял три года. В преподавательский состав университета входили десять ординарных профессоров, экстраординарные профессора, лекторы «иностранных языков», учителя гимназии. Они обучали тридцать своекоштных (содержавшихся за собственный счет) и казеннокоштных студентов. Первоначально все студенты получали подготовку по естественным и гуманитарным наукам на философском факультете и лишь затем специализировались на юридическом, медицинском или том же философском факультетах.

После окончания университета Чеботарёв три года служил в университетской библиотеке, которая долгое время была единственной общедоступной библиотекой в Москве. Любопытно, что, получая 8 копеек в день жалованья за исполнение должности кустоса (хранителя книжного фонда), он также получал по 1 копейке на содержание каждой из трех библиотечных кошек.

В 1767 году Х. А. Чеботарёв был произведен в преподаватели истории и географии в гимназических классах, одновременно исполняя должность переводчика с латинского языка. С 1773 года он преподавал русскую словесность, а в 1775 году определен вторым библиотекарем и издателем «Московских новостей» – первой в России неправительственной газеты.

В 1776 году Чеботарёв был произведен в экстраординарные профессора по кафедре русской словесности, а в 1778 году – в ординарные профессора. Получение им профессорского звания было связано, вероятно, с созданием первого оригинального учебника по русской географии, который он опубликовал в 1776 году.

Кроме чтения университетских лекций, Х. А. Чеботарёв преподавал еще в университетском благородном пансионе, вместе с жившими у него магистрами – историком П. А. Сохацким и математиком М. И. Панкевичем. Оба скоро тоже стали профессорами университета.

В 1803 году он был выбран ректором, став первым выборным ректором Московского университета. В период его руководства университет получил в 1804 году утвердительную грамоту от Александра I: «Обращая особенное внимание Наше на Московский Императорский Университет, который целые полвека имел столь великое участие в образовании людей, способных для государственной службы, в распространении знаний и наипаче в усовершенствовании отечественного языка, рассудили Мы за благо изъявить чрез сие торжественную признательность Нашу сему первому в России высшему училищу, даровав оному новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени». Согласно Уставу 1804 года, университет увеличил количество факультетов (отделений) до четырех (нравственных и политических наук; физических и математических наук; врачебных и медицинских наук; словесных наук), объединявших 28 кафедр. В 1804 году под председательством ректора Чеботарёва было учреждено Общество истории и древностей российских – старейшее археографическое общество в России. По Уставу 1817 года, целью общества являлось «критическое, то есть вернейшее и исправнейшее издание оригинальных древних о России летописей, с приобщением к ним нужнейших замечаний, дабы то и другое могло служить основанием в сочинении подлинной Российской истории».

После создания учебных округов на Московский университет были возложены функции наблюдения за развитием образовательной деятельности в провинции. Вологодская губерния долгое время входила в Московский учебный округ, и на открытие Вологодской мужской гимназии в 1804 году приезжал профессор Московского университета Никифор Евтропиевич Черепанов.

Об отношении к Чеботарёву преподавателей и студентов университета написал один из его выпускников И. М. Снегирёв: «Скажу несколько слов о первом ректоре университета Харитоне Андреевиче Чеботарёве, почтенном старце, ученейшем профессоре, друге Новикова, товарище Потемкина, бывшем в тисках у Шешковского, но странном и причудли-

вом в общении. Знаменитый Шлецер называл Чеботарёва „своим руководителем в русской истории“. Каково же было мое удивление, когда я его встретил в классах в одном нижнем платье и в коротком плаще без воротника, с аннинским орденом на шее, с плюмажною шляпою на голове и с тростью в руке. Он не носил ни пуклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; в поставе и в походке его выражалась самоуверенность. Всем он говорил ты; зная его, никто на это не сердился. Обхождение его могло показаться грубым, если бы оно не было выражением добродушия; почти всех он называл по имени, а не по отчеству, говорил отрывисто, но когда был в ударе, или по нынешнему в духе, речь его лилась рекою. Новое поколение едва ли поверит, что никто, при виде Харитона Андреевича, не смел улыбнуться, а тем паче засмеяться и зашикать. Так уважали его!»

Очерк о Х.А.Чеботарёве в «Биографическом словаре...» написан С.М.Соловьевым, который, ссылаясь на одного из воспитанников, описывая внешний вид почтенного профессора, дополняет приведенную выше характеристику: «Был росту среднего, костист, худощав, волосы имел цвета светлорусого, лицо продолговатое, румяное, ясное, которое, говоря, выставлял, грудь широкою, голос звонкий, басисто-бронзовый, речь твердую и гладкую, походку мерную, осанистую, обращение резкое, тон замашистый. Часто, обращаясь к слушателям, повторялось: «Друзья мои!». И со всеми легко, с разностью тона, переходил на прямое и ровное: ты. Привык писать без еров и с ударением на двусмыслие; но, одобряя последнее, первого другим не советовал».

Очень показательна для личности Х.А.Чеботарёва история его женитьбы. В доме у московского главнокомандующего графа З.Г.Чернышёва проживали в качестве воспитанниц молоденькие девушки из бедных дворянских семей. Чеботарёв давал уроки этим воспитанницам. Однажды он узнал, что у одной из них большое горе: её хотят выдать замуж за какого-то майора «дурной нравственности». Чеботарёв «решил избавить свою ученицу от злой судьбы и сделал предложение, которое было принято».

Х.А.Чеботарёв находился на посту ректора в 1803–1805 годах, а по истечении этого срока оставался в звании профессора до конца своих дней. Дочь Чеботарёва была замужем за другим известным вологжанином – тоже профессором Московского университета Матвеем Яковлевичем Мудровым (1776–1831).

М.Я.Мудров, как и Х.А.Чеботарёв, приехал в Москву, не имея средств и высоких покровителей, и мог рассчитывать только на себя. Поступить в гимназию при университете ему помогло рекомендательное письмо от вологодского городского штаб-лекаря О.И.Кирдана к профессору Ф.Ф.Керестури. Не зря врач из Вологды поручился за юношу, потому что М.Я.Мудров окончил университет в 1800 году со степенью кандидата и двумя золотыми медалями. Между прочим, степень кандидата давала выпускнику чин двенадцатого класса по Табели о рангах. О прилежности юноши во время учебы говорит такой факт. Его приятель по студенческой

М.Я.Мудров

А. А. Альфонский

скамье Л. А. Цветаев (тоже будущий профессор университета) пригласил его к себе в дом в гости, на что Мудров ответил: «Побывав у Вас, я должен бывать и у других приятелей, их много, то много же придется даром тратить и золотого времени».

В 1802 году М. Я. Мудров был отправлен за границу для усовершенствования в науках, где провел шесть лет, слушая лекции европейских медицинских светил в Берлине, Гамбурге, Геттингене, Вене. Будучи за границей, он подготовил первую свою научную работу «De spontanea placentae solutione» («О самопроизвольном отхождении плаценты»), за что медицинский факультет Московского университета присвоил ему в 1804 году ученую степень доктора медицины и звание экстраординарного профессора в 1805 году. В Европе в это время бушевала война, и, возвращаясь на родину, М. Я. Мудров получил распоряжение задержаться в Вильно, в главном военном госпитале действующей армии. Результатом практики в госпитале стало наставление по военно-полевой хирургии, которое вышло в 1808 году. Мудров не забывал, что он не только практикующий врач, но еще и ученый.

В 1808 году Мудров вернулся в Россию и приступил к чтению лекций в университете, а в 1809 году был утвержден в звании ординарного профессора и директора Клинического института. Молодому ученому было в то время только 33 года.

Во время Отечественной войны 1812 года Мудров, как и большинство москвичей, покинул Москву и эвакуировался в Нижний Новгород, где занимался лечением раненых. Его имя упоминается в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. После окончания войны М. Я. Мудров продолжил работу в университете. Он избирался деканом отделения (факультета) врачебных и медицинских наук, преподавал в Московском отделении медико-хирургической академии. Кроме того, в Москве он являлся одним из лучших практикующих врачей, был «первым медицинским светилом».

В течение 22 лет своей врачебной практики Мудров собирал истории болезней всех больных, которых он пользовал, и тем самым заложил основы анамнестического метода в российской медицине. По мнению специалистов, М. Я. Мудрова можно без преувеличения назвать отцом русской терапевтической школы.

Дружеские отношения связывали Мудрова со многими известными людьми того времени: профессорами университета Х. А. Чеботарёвым, Ф. Г. Политковским, Х. И. Лодером, Е. О. Мухиным; с К. Н. Батюшковым, П. Я. Чаадаевым; Н. И. Новиковым, И. В. Лопухиным, И. П. Тургеневым.

В 1830 году М. Я. Мудров был назначен старшим врачом Центральной комиссии по борьбе с начавшейся эпидемией холеры, заразился сам и 8 июля 1831 года умер.

В биографии, помещенной в «Словаре профессоров и преподавателей Московского университета», мы читаем о Мудрове такие слова: «... Собственными своими дарованиями, прилежанием и усердием к службе Государям возвысился до той степени почестей и славы, на которой судьбам угодно было на веки остановить его; своими же добродетелями, привет-

ливостью и честностью привлек уважение и любовь, которые даже по смерти его, до сей поры, через двадцать лет нисколько не умалились в памяти всех, много или мало знавших его лично».

Аркадий Алексеевич Альфонский (1796 – 1869) пошел по стопам отца, который был врачом в Вологде. После его смерти Аркадий был привезен в Москву и принят на медицинский факультет Московского университета. В 1814 году он закончил обучение в университете, а в 1817 году защитил диссертацию на степень доктора медицины. Альфонскому пришлось достаточно долго набираться практики в Московской больнице для бедных, пока он не был принят экстраординарным профессором хирургии в Московский университет. Это произошло в 1823 году, а в 1829 году он занял должность ординарного профессора. С этого времени и до 1847 года Аркадий Алексеевич возглавлял кафедру хирургии. Помимо преподавательской деятельности, он занимался врачебной практикой – являлся главным доктором Императорского воспитательного дома, состоявшего под высочайшим покровительством императора.

Надо сказать, что профессора, подобные Альфонскому, составляли тогда славу Московского университета. «Надобно сказать, – писал один из выпускников этого высшего учебного заведения Я. И. Костенецкий, – что в то время математический и медицинский факультеты имели превосходных профессоров, и медицинский факультет был славен даже в Европе. Кроме европейских знаменитостей, немцев Лодера и Гильдебрандта, были отличные профессора: Мудров, Мухин, Альфонский и другие. Студенты медицинского факультета составляли тогда большую половину числа всех студентов, восходившего до тысячи и более человек, и медики выходили из университета с отличными познаниями и практикой».

В 1842 году А. А. Альфонский был избран ректором Московского университета и с перерывом в два года находился на этом посту до 1863 года. Это был достаточно плодотворный период в истории университета. Тогда произошло слияние Медико-хирургической академии с университетом, на базе соответствующих отделений были созданы историко-филологический и физико-математический факультеты, при университете был образован Физиологический институт. При А. А. Альфонском в 1855 году университет отметил 100-летний юбилей.

Сын вологодского лекаря вошел в административную и общественную элиту страны: член Английского клуба, тайный советник, кавалер орденов Святой Анны 1-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святого Владимира 3-й степени и др., почетный член нескольких научных обществ. В провинции он вряд ли бы сделал такую карьеру. Москва давала шанс, и, продвигаясь по административной и общественной лестнице, такие люди, как А. А. Альфонский, оставили свой след и в ее истории.

Еще одним известным вологжанином в истории Московского университета был выдающийся ученый-языковед академик Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914). Родился Ф. Ф. Фортунатов в 1848 году в Вологде, в семье инспектора губернской гимназии. Его отец Федор

Ф. Ф. Фортунатов

Никитич являлся одним из зачинателей вологодского краеведения, автором нескольких статей в журналах «Русский архив» и «Вологодские епархиальные ведомости».

В 1852 году, в связи с переводом отца в Петрозаводск на должность директора народных училищ, семья покинула Вологду. Начав гимназический курс в Петрозаводской гимназии, Ф. Ф. Фортунатов окончил его во 2-й гимназии в Москве. Уже в гимназии будущий академик начал увлекаться древнегреческим и латинским языками. С 1864 по 1868 год Ф. Ф. Фортунатов учился на историко-филологическом факультете Московского университета и, получив при окончании степень кандидата, был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. В 1871 году он был командирован на два года за границу для совершенствования в науках и в 1875 году защитил магистерскую диссертацию, ставшую «первым в России исследованием по сравнительной грамматике индоевропейских языков». Тогда же он начал преподавательскую деятельность в университете.

В 1884 году за выдающиеся исследования, снискавшие известность в России и за границей, Ф. Ф. Фортунатову по представлению Киевского и Московского университетов была присуждена без защиты диссертации ученая степень доктора сравнительного языкознания, и он становится профессором кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков. В 1898 году он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению русского языка, а в 1902 году – действительным членом академии, переезжает в Петербург и сосредотачивается на работе над академическими изданиями.

Научное наследие Ф. Ф. Фортунатова невелико по числу опубликованных работ, но огромно по содержанию. Он стал основателем целой лингвистической школы, которую называют Московской формальной, или Фортунатовской. Учениками Ф. Ф. Фортунатова были десятки выдающихся российских и зарубежных языковедов, а его научные идеи оказали огромное влияние на развитие российской и мировой лингвистики.

В Московском университете сегодня идет работа над интересным проектом – составлением полного списка его выпускников, начиная со дня основания. Имеющаяся в настоящее время база данных включает сведения почти о двадцати восьми тысячах выпускников за период с 1876 по 1917 год. Есть в этом списке сведения и о вологжане. За срок предреволюционных лет выпускниками Московского университета стали девяносто уроженцев Вологодской губернии. Интересно, что абсолютное большинство из них (шестьдесят восемь человек) окончили один из двух факультетов – медицинский или юридический. Такой выбор характерен и для уроженцев других губерний Европейского Севера России. Возможно, это связано с какими-то традициями в получении образования, характерными для региона. Реализация данного проекта очень важна для понимания процесса формирования интеллектуальной элиты дореволюционной России и определения роли, которую играла в нём провинция.

Фотография
на странице 91:
усадьба Покровское
в Грязовецком районе
Вологодской области
(1810–1811 годы).
Известный искусствовед
начала XX века Г. К. Луком-
ский называл «прелест-
ное Покровское» одной
из лучших усадеб России.
Ее архитектура – яркое
проявление московского
зодчества эпохи раннего
классицизма. Владелец
и строитель усадьбы
А. С. Брянчанинов, уезжая в
1812 году в действующую
армию, с тревогой гово-
рил: «Отрада моя, кому-то
ты достанешься?»
Старший сын Александра
Брянчанинова Дмитрий
(1807–1867) стал известен
всей православной России
как свяtitель Игнатий.
В начале XXI века
постройки усадьбы
отреставрированы.
В 2007 году Покровское
посетил Святейший
Патриарх Московский и
всёя Руси Алексей II

